

В. М. Тюленев

**ЕПИСКОП В ТРУДАХ ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО:
ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ**

**Рец. на кн.: Биркин М. Ю. Епископ в Вестготской
Испании. СПб.: Наука, 2020. 368 с.**

Вышедшая в 2020 г. в издательстве «Наука» монография М. Ю. Биркина выглядит как удачное продолжение сложившейся в последние несколько лет в отечественной медиевистике традиции, связанной с изучением христианской Испании периода раннего Средневековья. В самом деле, за сравнительно короткий период времени вышло в свет сразу несколько изданий, в которых читателю предложены либо источники, отражающие становление христианского общества и культуры на Пиренейском полуострове периода поздней Римской империи и варварских королевств¹, либо исследования, в которых дается новый взгляд на особенности иберийской истории того времени².

Главным героем монографии М. Ю. Биркина, как следует из нее названия, оказывается епископ, ставший в период раннего средневековья на Западе вообще и в Испании в частности ключевой

© Тюленев В. М., 2021

Тюленев Владимир Михайлович — доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных наук по научно-исследовательской деятельности, доцент, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, tyulenev.vl@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Deputy director of the Institute of Humanities for research Activities, Associate Professor, Professor of the Department of General History and International Relations, Ivanovo State University).

¹ Вестготская правда. (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / сост. А. В. Марей, О. В. Ауоров. М., 2012; *Mater Hispania: христианство в Испании в I тысячелетии*: пер. с лат. яз. / сост. протоиерей Андрей Кордочкин. СПб., 2018.

² *Циркин Ю. Б. Испания от Античности к Средневековью*. СПб, 2010; *Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.)*: Исследования и переводы / общ. ред. О. В. Ауоров, Е. С. Марей. М., 2017.

фигурой общественной жизни, фактическим руководителем города, обеспечивающим идеологическую опору королевской власти (с. 6)³. В то же время читатель не найдет в этой книге «реального» епископа прежде всего потому, что автор стремится показать идеальную модель епископа, тот его образ, который формировался в трудах крупнейшего интеллектуала Европы VII в. Исидора Севильского. Это, на наш взгляд, важная новация, построенная на убеждении в том, что церковный писатель не только воспроизводил существовавшее в святоотеческой литературе понимание пастырской деятельности, но и, переосмысливая литературную традицию на основе реального опыта, предлагал ту модель жизни и поведения пастыря, которая могла быть воплощена на практике современниками и ближайшими потомками. Исследователь пытается также доказать, что именно представления Исидора влияли на формирование вестготской политической теологии, на эволюцию церковного и королевского законодательства. Насколько этот подход оказывается выигрышным, скажем в заключении. Пока же констатируем, что монография заслуживает самого пристального внимания, как минимум, по двум причинам. Во-первых, несмотря на масштабность фигуры севильского епископа, его труды и взгляды лишь начинают активно изучаться в отечественной науке, и можно только приветствовать книгу, в которой представления Исидора ставятся в центр внимания. Во-вторых, исследование выполнено в рамках современных методологических подходов, прежде всего в традициях интеллектуальной истории и политической имагологии, а значительное место в работе занимает текстологический анализ, в частности, исследователь показывает, каким образом Исидор формулирует и обосновывает свои рекомендации, какое место в его текстах занимают цитаты и аллюзии из Писания и святоотеческой литературы. Анализ топики в трудах Исидора, пожалуй, наиболее интересная часть «исследовательской кухни» автора монографии. Сожаление вызывает лишь то, что весь справочный аппарат вынесен в качестве приложения к исследованию и читателю приходится постоянно переключать внимание с текста на поиск примечаний.

---

³ Биркин М. Ю. Епископ в вестготской Испании. СПб., 2020. Далее ссылки на данное издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

Монография состоит из трех глав, в которых предложен анализ представлений Исидора, закрепленных в церковном законодательстве: о качествах епископа (глава 1), его функциях (глава 2) и о месте епископа в общественной и политической жизни вестготской Испании (глава 3).

Говоря о качествах епископа, автор прежде всего показывает роль Исидора в определении четкой границы, оформляющей клир в особую категорию членов Церкви. Эта граница, подчеркивающая оппозицию светского и сакрального, среди прочего получает визуальное воплощение в виде тонзуры, принятие которой символизировало переход от светского состояния в духовное, от каз человека от мира и в некотором смысле «второе крещение» (с. 42—43). Визуально отделяя себя от массы верующих, клирики оказываются «чужестранцами» прежде всего по отношению к миру сему и всему светскому. Отчужденность от мира, как показывает автор, реализуется и в поведении клириков, которые должны воздерживаться от мирских развлечений, зрелищ, публичных пиров, сохранять целомудрие в браке (с. 46—49). Важной составляющей образа священнослужителя у Исидора, как показывает исследование, выступала его образованность. На фоне общего упадка грамотности образование клириков оказывалось еще одним признаком, отделяющим духовенство от остального общества, не говоря уже о том, что без образования (умения читать) не мыслилось служение Богу (с. 51).

Переходя непосредственно к епископам и определяя их место в клире как первых среди равных, М. Ю. Биркин останавливается на таком принципиальном для историографии вопросе, как знатность кандидатов в епископы, и предлагает отказаться (по крайней мере, применительно к Испании) от ставшего традиционным утверждения о том, что епископ раннего Средневековья — исключительно выходец из аристократической семьи (с. 57—59). Ссылаясь на Л. А. Гарсию Морено, М. Ю. Биркин пишет, что из 485 кафедральных епископов между 568 и 711 гг. менее 15 принадлежали к сенаторским родам (с. 59). Опираясь на прямые свидетельства источников и косвенные данные, автор монографии доказывает, что главным формальным требованием к кандидату в епископы было не его происхождение, а наличие у него опыта церковного служения. Таким образом, условие

IV Толедского собора, касающееся того, что кандидат в епископы не должен быть человеком *ignotus*, следует понимать, как недопустимость того, чтобы должность епископа занимал человек, «незнающий, несведущий» в вопросах веры. Такое толкование соборного канона позволяет исследователю найти еще один аргумент в пользу того, что во времена Исидора духовенство уже понималось как замкнутая корпорация, принадлежность к которой позволяла встать во главе церковной общины.

Другим требованием к епископам, как показывает М. Ю. Биркин, было наличие у него светского и духовного образования. Неся на себе обязанность проповедовать, учить, епископ должен был освоить свободные искусства, прежде всего, грамматику и риторику, и, конечно же, быть сведущим в Священном Писании (с. 69—70). Знаменитые «Этимологии» Исидора в этом отношении могут быть рассмотрены как своеобразный учебник для церковных школ. Наконец, третьей необходимой составляющей образа «идеального» епископа у Исидора является его высокая нравственность. Будучи лицом церкви, епископ должен обладать непререкаемым авторитетом (с. 73), поэтому «Сентенции» Исидора полны сетований по поводу недостойных пастырей, чьи слова расходятся с делами, чьи устремления корыстолюбивы. При этом епископ, чтобы исполнять свои обязанности, должен быть не чужд управленческих талантов, так что в сознании Исидора возникает сложное сочетание, казалось бы, антагонистических принципов (активной жизни и отчужденности от мирского).

Вторая глава посвящена анализу функций епископа, которые исследователь условно делит на «священническую, учительскую и правительственную» (с. 77), стремясь при этом акцент перенести с гражданского служения епископа на исполнение им религиозно-церковных обязанностей. Обращаясь к предложенной Исидором этимологии слова «епископ», М. Ю. Биркин показывает его связь с понятием *cura*, которое получает у севильского епископа целый спектр смысловых оттенков («попечение», «наблюдение», «надзор», «лечение»). В результате епископ предстает в произведениях Севильца прежде всего заботливым и внимательным пастырем, врачующим души от грехов. Отказ исследователя от рассмотрения гражданских и политических функций епископов, на чем традиционно сосредоточивалось внимание медиевистов, с одной

стороны, кажется оправданным; но, с другой стороны, необходимо понимать, что, рассматривая эту сторону епископского служения, исследователи пытались сказать не столько о функциях священнослужителей, сколько о тех изменениях, которые определили переход от античной к средневековой цивилизации на Западе. Никто из них не исключал из круга епископских обязанностей ни чтение проповедей, ни надзор за паствой, но важным видели прежде всего переход в руки церковных прелатов тех забот, которые прежде принадлежали гражданским властям.

Одной из важнейших составляющих религиозного служения епископов выступало чтение проповедей, которые являлись в некотором роде актом епископской власти (с. 92). Именно в проповеди преподавалась слушателям «наука справедливости», закладывающая основы социального мира и порядка. Кроме того, проповедь в вестготской Испании служила формированию новой идентичности, и в этом отношении важной оказывается антииудейская полемика. Как пишет исследователь, «севильский епископ пытался укрепить единую идентичность за счет противопоставления “верным” внутренних религиозных врагов — иудеев (тогда как роль врага внешнего исполняли византийцы)» (с. 101). Анализируя язык проповеди, в том числе указывая на советы Исидора использовать простой язык в общении с прихожанами, автор монографии представляет саму проповедь как способ достижения консолидации испано-римлян и вестготов, установления не только горизонтальных, но и вертикальных связей (с. 103).

На идею единства, принципиальную для вестготского королевства, работало также исполнение епископом священнических функций. Благодаря исполнению этих функций епископ становился связующим звеном вестготского общества, реализуя власть как над мирянами, так и над клиром (с. 118). Через совершение таинств епископом получала оформление сама община, в ходе мессы им осуществлялся социальный контроль над прихожанами, налагая епитимью на прегрешившего и открывая ему путь к примирению (с. 116).

Гораздо хуже, как кажется, разработана в монографии тема каритативной деятельности епископа. Сразу же вызывает удивление заявление автора, что лишь немногие ученые рассматривают помощь бедным и разного рода благотворительность «через призму

пастырской деятельности епископа» (с. 104—105). В действительности, за последние несколько лет в России появился целый ряд работ, в которых показано, как забота о слабых стала «мощным ресурсом епископской власти и одновременно выражением лидирующего положения епископа в городе»⁴, и справедливости ради надо заметить, что эти исследования предлагают гораздо более глубокий взгляд на проблему каритативной деятельности епископа, чем пять страниц, посвященных ей М. Ю. Биркиным. По сути, все его наблюдения по этому вопросу сводятся к декларации о том, что епископ должен был сохранять баланс между интересами влиятельных и простых людей (с. 108).

Третья глава посвящена анализу представлений Исидора о взаимоотношении епископа и общества в вестготской Испании. Разговор начинается с довольно ожидаемого вопроса об отношении епископа и власти, компонентами которого оказываются влияние королевского двора и местной знати на избрание епископа (с. 122—133), участие епископов в защите бедных от сильных мира сего (с. 133—137). Автор показывает не только озабоченность короля исходом епископских выборов (особенно при определении судьбы митрополичьих кафедр), но и прежде всего влияние на них со стороны комитов городов. С другой стороны, анализ текстов показывает, что важнейшей задачей епископов было осуществление защиты слабых от притеснений, которую можно было осуществлять, реализуя надзорные функции над судом и сбором налогов (с. 137). Но главный вывод касается того, что для вестготского королевства Исидор предлагал симфонию властей, при которой король должен обращаться за поддержкой к епископам, а епископы — к королю. Епископ способствовал легитимизации королевской власти, был проводником идеологии, главным помощником в сохранении общества (с. 144), с другой стороны, епископ, не всегда имевший силы и влияния противостоять региональной власти, должен был, по мысли Исидора, апеллировать к королю, прося у него о защите церкви и восстановлении порядка (с. 150).

---

⁴ См., напр.: *Омельченко Д. М.* Пастырская деятельность Цезария Арелатского в политике Церкви и повседневной жизни Прованса (первая треть VI в.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2011; *Ее же*. Выкуп пленных в пастырской практике Цезария Арелатского // Труды института бизнес-коммуникаций. СПб., 2017. Т. 1. С. 146—151.

Между тем, нельзя не обратить внимание на то, что принципиальные выводы, сделанные исследователем, часто растворяются в несущественных, на наш взгляд, сюжетах. В результате, вместо разговора о деятельности епископа, направленной на защиту бедных, читателю предлагается растянувшийся на три страницы анализ понятия *potentes* (с. 134—136), который заканчивается ожидаемым, в принципе, выводом о том, что *potentes* — это люди, обладающие почетом и занимающие высокое место в обществе (с. 136). Чуть позже вместо рассказа о роли епископа в городе читатель встречает обзор, касающийся изменений, затронувших муниципальное управление в период поздней античности (с. 145—147). Также излишним кажется в поисках истоков идеалов деятельной и созерцательной жизни епископов углубляться в греческую и римскую философию, к Платону, Аристотелю, Цицерону, Сенеке и Плотину (с. 161—165). Очевидно, что весь этот интеллектуальный багаж задолго до Исидора был уже пересмыслен теоретиками христианства, внимание к трудам которых могло бы стать более последовательным. По крайней мере, двух абзацев, посвященных в этой связи Иоанну Кассиану Римлянину (с. 166), явно недостаточно, тем более что автор сам называет его творчество «переломным моментом» в развитии христианских представлений о созерцательной и активной жизни. Вообще, в работе не хватает «живого» епископа, епископа не из канонических соборов и теоретических работ Исидора, а епископа из житий и писем, тем более что некоторые тексты вестготского периода уже опубликованы в русском переводе⁵.

Оценивая работу в целом, необходимо повторить, что читателям предложено вполне качественное исследование, позволяющее увидеть общую модель епископского служения, выработанную Исидором Севильским, модель, которая, скорее всего, не оставалась лишь теорией, но отражала реальное положение дел в христианском обществе раннесредневековой Испании. Книга вполне может быть интересна и полезна всем, кто неравнодушен к истории Церкви и складывания христианской цивилизации на латинском Западе.

---

⁵ См.: Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V — начало VIII в.): Исследования и переводы...